

**ПИСАТЕЛЬСКАЯ НЕУДАЧА VS. УДАЧА ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ.
ФЕНОМЕН ТВОРЧЕСКОЙ НЕУДАЧИ /
под общ. ред. [и с предисл.] А. В. Подчиненова и Т. А. Снигиревой.
Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 424 с.**

Под монографией часто подразумевают коллективное научное сочинение, посвященное разработке одной общей проблемы. В книге, о которой здесь пойдет речь, исследуется феномен творческой неудачи — по-настоящему междисциплинарный вопрос, который интересует не только филологов, но и философов, культурологов, социологов, психологов. «Неудачничество», «лузерство» — это современная и в то же время вечная беда. Она преследует и «маленького человека», одолеваемого завистью к медийным, а значит, с его точки зрения, успешным персонам. Лузеры стремятся к известности, а одним из традиционных путей к ней является издание и распространение литературных произведений. Но и талант подлинного художника тоже обычно развивается на фоне жизненной, человеческой неудачи, дающей творческую энергию.

За многие века человечество породило море плохих текстов, которые только формально можно отнести к сфере художественной литературы. Есть у подобных текстов и свои защитники. Например, писатель Сергей Лукьяненко считает, что «любая литература, пусть даже самая простецкая, выполняет функцию планктона, которым читатель насыщается и постепенно эволюционирует в своих литературных пристрастиях». К этой мысли можно отнестись двояко. С одной стороны, сомнительно, чтобы у человека, который питается этим «планктоном», постепенно появилась тяга к хорошей литературе и развился художественный вкус. С другой стороны, коэффициент «простецкости» — переменная величина, и даже в «планктоне» иногда проявляется эстетический эксперимент, который может получить свое развитие в «настоящих» текстах. Если же посмотреть на «планктон» как на материал исследования, то вряд ли все филологи мира смогли бы изучить и структурировать весь этот огромный литературный фон. Да и нужно ли вообще ставить такую задачу?

Авторы монографии, однако, не собираются анализировать творения графоманов. Как пишут редакторы книги А. В. Подчиненов и Т. А. Снигирева, основной предмет научного рассмотрения — признанное неудачным

«творчество писателей, которые неоднократно доказывали свою состоятельность, или, другими словами, “отдельная творческая неудача большого художника”». Разделы монографии посвящены звездам разной величины, но при этом писатели и поэты, о которых идет речь, хорошо известны. Читая книгу, мы обращаемся к творчеству Сумарокова, Державина, Пушкина, Решетникова, Чехова, Андрея Белого, Пришвина, Крученых (и других авангардистов), Газданова, Олеси, Набокова, Булгакова, Айтматова, Астафьева, Солженицына, Аксенова, Петрушевской, Маканина, Битова, — и этот список еще не полон.

Не менее представительны и состав участников научного проекта. Интерес к изучению творческих неудач объединил более тридцати исследователей из самых разных городов России. К ним присоединились филологи-слависты из Чехии (Зденек Пехал) и Польши (Анна Варда). При очевидной литературоведческой доминанте у монографии широкий общегуманитарный профиль. Композиционно его подчеркивает своеобразное обрамление — лингвистическое введение, в котором семантику лексемы *неудача* анализирует О. А. Михайлова, и послесловие — философское и социопсихологическое эссе, написанное А. В. Перцевым.

Творчество любого писателя, даже признанного гением, неоднородно: есть литературные опыты, которые или качественно уступают другим текстам, или по каким-то причинам оказались менее известными и, следовательно, недооцененными читателем. Иногда такая оценка кажется заслуженной, иногда — нет. Возможные объяснения этому находим в первых двух разделах монографии. Авторами первой части («Художественная неудача: причины и следствия») стали Н. В. Барковская, А. В. Миронов, Т. Ф. Семьян, А. И. Смирнова, К. Д. Гордович, Т. Н. Маркова и Т. Н. Брева. Второй раздел («Творческая неудача: рецептивный и коммуникативный аспекты») составляют работы А. Г. Масловой, А. В. Кубасова, Н. В. Доброскокиной, П. В. Маркиной, О. Г. Сидоровой, Н. А. Купиной, А. В. Снигирева и В. Ю. Новиковой. Эта часть преимущественно посвящена стилистическому анализу

«неудачных» текстов, а также изучению динамики критического восприятия литературного творчества и оценки писателя современниками и последующими поколениями.

Среди объяснений творческих неудач выделяются внетекстовые причины: возраст автора, противоречие между художником и временем (т. е., по сути, обществом), стремление писателя выполнить социальный заказ, незнание культурных реалий, душевная опустошенность и такие заболевания, как например, алкоголизм. Приводятся и собственно текстовые причины неудач: идеологическая избыточность и тенденциозность, стилистические диссонансы и клише, излишняя публицистичность, нарочитое стремление к концептуальному и стилистическим изыскам, языковая эклектика и просто неудачный перевод литературного произведения на другой язык. Однако намеренное создание аномальных, дефектных, абсурдных текстов, как отмечают авторы монографии, вовсе не обязательно приводит к художественной неудаче, наоборот, оно часто эстетически оправданно и удачно.

Неудаче как предмету изображения в художественном тексте посвящен 3-й раздел книги — «Литературная рефлексия творческой неудачи». Под рефлексией здесь понимаются отраженные в художественных текстах авторские оценки своих и чужих произведений (это, например, «литературные перебранки» между разными авторами или специфическое самоуничижение писателей в собственных предисловиях), а также филологическое обобщение неудач (и удач) самых разных литературных героев. В этой части монографии свои усилия объединили Т. В. Мальцева, О. Н. Турышева, З. Пехал, Ю. В. Кондакова, Е. А. Худенко, А. Варда и Т. Л. Рыбальченко.

Наконец, в 4-й части («Креативный потенциал “неуспешного” текста») рассматривается, как творческая неудача может позитивно влиять на судьбу автора, стимулировать появление других, значительно более удачных произведений и провоцировать поиск оригинальных приемов, форм и даже новых эстетических принципов в искусстве. Свои суждения об этом высказали Л. П. Быков, Е. К. Созина, О. В. Зырянов, И. Е. Васильев, Е. В. Пономарева и Е. Н. Проскурина.

Такой многосторонний и системный взгляд на феномен творческой неудачи еще раз напоминает нам о том, что филологического внимания заслуживают не только успешные, признанные, но и малоизвестные и подчас забытые читателями литературные опыты. «Творчество не бывает абсолютной неудачей», — утверждает уже в редакторском предисловии, тем более что сам творческий процесс может быть, по мнению Л. П. Быкова, «важнее произведений как итога этого творческого производства». Будем надеяться, что процесс научного творческого производства, а конкретно — семинар, на базе которого и возник этот коллективный труд, продолжится в стенах Уральского, теперь уже федерального университета.

Обращение к специфическому материалу (например, ко всякой «чертовщине») иногда сказывается на судьбе художника; во всяком случае люди склонны выискивать подобные закономерности. Так и приобщение к «неудачному» литературному материалу, как можно суеверно полагать, непременно должно было бы привести гуманитария к неудачам уже научного характера. Но эта примета в действительности является лишь суеверием, поскольку коллективное исследование феномена творческой неудачи оказалось продуктивным, глубоким, занимательным и, безусловно, *удачным*.

М. Ю. Мухин